

еўрапейскай краінай з багатай і цікавай гісторыяй. Вельмі пажадана, каб беларускія даследчыкі ў сваіх пошуках звярнуліся да крыніц па гісторыі нашага далекага мінулага, знойдзенных у XIX стагоддзі славытым вучоным К.Е. Напьерскім.

1. Грамоты, касаючыся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII, XIV веках. Найдены в Рижском архиве К.Е. Напьерским. Изданы археографическою комиссиею. / К.Е. Напьерский. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. – 22 с. с 8 литогр. снимками.
2. Напьерский, К.Е. Русско-Ливонские акты. Изданы Археографическою комиссиею. / К.Е. Напьерский. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1868. – 462 с.
3. Віцебска-Рыжскія акты XIII – XVII ст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплекса Ruthenica Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва Латвіі). Выпуск I: Дакументы гаспадарча-гандлёвыя, XV – XVI ст. / Падрыхтаваў Алег Дзярновіч; НАН Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мн.: ATHENAEUM, 2005. – 88 с. (Athenaeum, Том XI)
4. Жарын Д.В. Развіццё гандлёвага права на беларускіх землях у XIII стагоддзі // Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І.А. Юхо. Мінск, 18-19 сак. 2011 г. / рэдкал.: С.А. Балашэнка (адк. Рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2011. – 199 с.
5. Хорошкевич А.Л. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Вып. I – VI. / А.Л. Хорошкевич. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1977 – 1989.
6. Русско-ливонские акты = Russisch-Livländische Urkunden / собранные К.Е. Напьерским. – Санкт-Петербург: изданы Археографической комиссией, 1868. – XXIII, 462 с.
http://content.nlb.by/content/dav/nlb/DDC/DED/9/4/_2011/ba29120k/pdf/ba29120.pdf

Егоров А.М.

ПРАВОВЫЕ АКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIV–XV ВВ.

Расцвет независимости средневекового Пскова в XIV-XV вв. и его активные контакты с соседними землями нашли свое отражение в правовых актах этой городской республики, которые являются ценным источником по истории ее международных отношений. Многие достижения псковской юстиции в этой области позднее были адаптированы к правоприменительной практике Русского централизованного государства [4, с. 80-81]. Концентрированным выражением юридического опыта граждан торгового города-государства и его пригородов стала Псковская судная грамота (1467), положения которой оказали заметное влияние на содержание первого общероссийского Судебника 1497 года.

Псковское законодательство было генетически связано с древнерусскими источниками права (в частности, с Русской правдой), но по сравнению с ними сделало серьезный шаг вперед. Дополнительными факторами, стимулировавшими укрепление законности в Пскове, являлись постоянная военная угроза со стороны Ливонского ордена, периодически возникавшие конфликты с Великим княжеством Литовским и экономическая конкуренция с Великим Новгородом. Не случайно именно Псковская судная грамота впервые на Руси начала фиксировать преступления не только против отдельных лиц, но и государственную измену [8, с. 332]. Вместе с тем, большое место в Псковской судной грамоте занимают нормы частного права, являющиеся неоспоримым свидетельством значительного развития в Пскове товарно-денежных отношений.

Наконец, особое внимание в средневековом Пскове уделялось упорядочению судебного процесса и повышению значения местной юстиции в сфере регулирования публичных и частных отношений с иностранным элементом, что также диктовалось торговыми и хозяйственными интересами псковичей, которые чрезвычайно рано приобрели трансграничный характер. Несмотря на сложную пограничную обстановку, псковичи вели активную торговлю в прилегающем к Балтийскому морю регионе и на территории современной Беларуси. Поэтому традиционным пунктом мирных договоров Пскова с соседями в XIV-XV вв. оставалось требование свободного пути для своих людей «горой и водой».

Самым серьезным торговым контрагентом Пскова являлась Ганза – мощный купеческий союз Балтики и Северного моря, в котором доминировали немецкие города. Основным перевалочным пунктом и политическим главой этого объединения был Любек, где собирались общеганзейские съезды [1, с. 131].

Многие ливонские города также входили в это сообщество и выступали как посредники в торговле Ганзы с Русью. Ганзейские города Ливонии были связаны не только общими экономическими интересами, но и унифицированной системой так называемого «любекского» права. В частности, магистрат северогерманского города Любека выступал в качестве высшей апелляционной инстанции по гражданским делам для таллинцев. В свою очередь, таллиннский магистрат являлся низшей апелляционной инстанцией для Раквере и Нарвы, которые приняли любекское право при его посредничестве [5, с. 79].

Детальный анализ русско-ливонских отношений, осуществленный благодаря таким исследователям как Н.А. Казакова, выявил постоянный дуализм во взаимоотношениях средневекового Пскова с его западными соседями. С одной стороны этот дуализм выражался в стремлении Пскова к развитию мирных экономических отношений с городами Ливонии, а с другой – в попытках Ливонского ордена осуществлять военную экспансию против пограничных русских земель [6, с. 27].

При этом немецкое купечество продвигало свои торговые интересы на северо-западе Руси, прикрываясь вооруженными силами духовно-рыцарских орденов, что обуславливало постоянную мобилизационную готовность Псковской республики в военном плане. Возникшая с самого начала немецкой колонизации Прибалтики военная угроза наложила неизгладимый отпечаток на формирование всей жизнедеятельности средневекового Пскова [9].

Псковичи старались лавировать между отдельными членами ливонской конфедерации и ганзейского союза, пытаясь использовать их противоречия в своих интересах. Когда в 1407 году, например, ганзейские города, особенно Тарту, требовали от Таллина ареста находившихся в городе русских, тот отказался, что гарантировало последним относительно спокойный торговый сезон [5, с. 112]. Иногда представители Пскова и Новгорода присутствовали на ганзейских собраниях в качестве наблюдателей. Так, в 1402 году они принимали участие в съезде ливонских городов, состоявшемся в Тарту, на котором стороны обменялись взаимными претензиями [5, с. 111].

Однако возникавшие противоречия не всегда удавалось разрешить дипломатическими методами. Например, в 1478 году в Риге задержали псковских купцов, и для их освобождения пришлось отправлять к ливонскому магистру специальное посольство. В результате переговоров «гости» были отпущены, но понесли значительный материальный урон, так как немцы отказались вернуть их товары. В подобных случаях действия сторон исходили из принципа взаимности. На следующий год псковская летопись сообщает, что «ходиша псковичи мстить в Немецкую землю, и приведоша немец во Псков и полна много добыша» [7, с. 76]. Обычно после взаимного обмена подобного рода «любезностями» стороны начинали поиск компромисса. Однако до его достижения частные лица, застигнутые войной на враждебной территории оказывались в бесправном положении. Так, в связи с описанным выше походом летопись отмечает, что «в то время наш гость псковской в Юрьеве пол 50 мужь, и гостя псковскаго всадиша в погреб, и послаше посла своего в Юрьев, а немец всадиша в погреб в охабни» [7, с. 76]. Иначе говоря, в ответ на задержание своих граждан псковские власти брали в заложники иностранных подданных. После ареста их держали в специальных камерах, находившихся внутри крепостной стены Псковского кремля (в той его части, которая примыкала к въездным воротам и образовывала узкий коридор – «захаб»).

В период недолгих перемирий коммерческие операции с иностранным элементом осложнялись проблемами чисто юридического свойства. Их причиной была конкуренция между правовыми системами Пскова и его соседей, претендовавших на участие в урегулировании одних и тех же споров. После пересечения границы и возвращения домой иностранные гости Пскова становились практически недостижимыми для его правосудия. Это настраивало некоторых из них на безответственное отношение к своим русским партнерам.

Подобная практика, конечно, была неприемлема для псковской торговой республики, которая всегда заботилась о своей деловой репутации в регионе и желала аналогичного поведения со стороны соседей. Память о щепетильности псковичей при заключении коммерческих договоров сохранялась достаточно долго, что нашло отражение в записках имперского посла барона Герберштейна, составленных уже после присоединения Пскова к Москве в XVI веке: «Именно псковитяне при всяких сделках отличались такой честностью, искренностью и простодушием, что, не прибегая к какому бы то ни было многословию для обмана покупателя, говорили одно только слово, называя сам товар» [2, с. 239].

Исполнение частных обязательств с участием иностранцев обеспечивалось на основе принципа круговой поруки среди их оставшихся в Пскове соотечественников, которые могли ответить за вину своих коллег собственным имуществом. Так, в переписке Пскова с Ригой еще в начале XIV века встречается требование выдать должника Нездильца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову. Послание завершается недвусмысленной угрозой взыскать долг с немецких купцов: «Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправим в Пльскове на вашей братии, а вам поведаем» [3, с. 318]. Справедливости ради следует отметить, что аналогичная тактика практиковалась и по другую сторону псковско-ливонского рубежа.

За обиды, нанесенные псковским «гостям» на чужбине, приезжие иностранцы могли понести не только материальную, но и личную ответственность. В 1436 году, например, в подземельях псковского «захаба» оказались сразу 24 немецких купца, что стало политическим ответом вечевой республики на ограбление ее граждан в Ливонии. Конечно, чрезвычайные меры такого рода (как и вызывавшие их причины) не способствовали повышению взаимного доверия, поэтому в международных соглашениях Псков последовательно проводил идею выдачи преступников, должников и зависимых людей.

Одновременно предпринимались попытки определить пределы юрисдикции в отношении частных лиц. В договоре 1440 года между великим князем литовским Казимиром и Псковом подтверждалось, что тяжбы с участием псковичей в ВКЛ должны рассматриваться на основе княжеского права, в Пскове же аналогичные дела подданных Казимира – как собственно литовцев, так и жителей Полоцка, Витебска, Смоленска – решались по законам вечевой республики.

Но даже наличие договоров не всегда гарантировали взаимопонимание и порядок вдоль юго-западных рубежей Пскова. Об этом свидетельствует псковская грамота 1480 года, адресованная все тому же Казимиру IV. Наряду с жалобой на вероломство «пришедшего на миру» и выжегшего два пригорода ливонского магистра в ней содержалась просьба не задерживать псковских пленников, которые бежали через Литву от немцев, и пожелание королевским воеводам и мещанам не мешать транзитной торговле псковичей с теми же немцами.

Борьба за рынки побуждала граждан Пскова налаживать прямые связи с прибалтийскими городами. Невзирая на все риски и непредсказуемость пограничной обстановки, псковские купцы регулярно посещали Ригу, Колывань (Таллин), Юрьев (Тарту) и Ругодив (Нарву). При некоторых денежных расчетах они обращались к помощи немецкой юстиции. В частности, из переписки 1463-1465 гг. известно, что два псковича давали в Риге деньги в долг «перед судьей, перед Кортон, что на Кеской улице живет» [3, с. 324].

Приезжим псковичам волей-неволей приходилось вникать в тонкости германского права. В связи с этим отдельную проблему представляли не только споры о юрисдикции между Псковом и его соседями, но и юридический партикуляризм правовой системы последних. Возникавшие в том же Таллине гражданско-правовые тяжбы теоретически могли дойти до самого Любека, уголовные дела окончательно решались на месте в соответствии с городским правом, а засевшие на Тоомпеа вассалы Ливонского ордена вообще признавали только ленное и рыцарское право. Корпоративность средневекового права и действие в рамках даже одной территории сразу нескольких правовых подсистем подчас порождали сложные интерлокаль-

ные и интерперсональные коллизии, разрешить которые, особенно при наличии дополнительного иностранного фактора, было крайне нелегко.

Подсудность, насколько можно судить по источникам, обычно определялась из места причинения вреда или возникновения обязательства. Случаи перехвата судебных дел оценивались крайне отрицательно и воспринимались псковичами как подрыв «суверенитета» их города.

В первой половине 1460-х годов острую дискуссию вызвало дело рижанина Иволта, брат которого был убит в Пскове собственным слугой. Несколько принадлежавших покойнику бочек пива и меда забрали за долги псковские кредиторы, остальное имущество и разысканного убийцу передали прибывшему в город Иволту. Но рижанин неожиданно начал отрицать долги своего брата и потребовал от кредиторов вернуть все его имущество. В ответ на предложение псковских властей разобрать спор с этими людьми в судебном порядке он высокомерно заявил: «Язь приехал в Псков не тягаться». Затем Иволт попытался взыскать оставшийся по его мнению долг в Риге, но почему-то с новгородских купцов. Последние, в свою очередь, обратились с жалобой в Псков, власти которого отреагировали следующим образом: «Пусть едет ко Пскову, мы ему суд дадим» [3, с. 323]. Таким образом, не вставая заранее ни на чью сторону, Псковская республика последовательно отстаивала право на собственную юрисдикцию.

В отношении наиболее сложных споров псковичи поощряли своеобразный международный арбитраж. Договоры Пскова с Ливонским орденом не раз упоминают «съезд о прежних обидных делах», который по традиции проводился на реке Нарве. В целом же история средневекового Пскова дает немало примеров прогрессивного международно-правового взаимодействия, которое оказывалось возможным даже в условиях не всегда дружелюбного международного соседства. При этом Псковская вечевая республика последовательно отстаивала право на собственную юрисдикцию, проводя данную политическую линию вплоть до присоединения города к Московскому государству в начале XVI века.

1. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы / В.И. Гальцев, В.С. Исупов, В.И. Кулаков и др. – Калининград: Кн. изд-во, 1996.
2. Герберштейн, Сигизмунд. Московия. М.: АСТ: Астрель, 2007.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
4. Егоров А.М. Средневековая юстиция и иностранцы на северо-западе Руси // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2003. № 12.
5. История Таллина (до 60-х годов XIX века) / Составитель д.и.н. Раймо Пуллат. – Таллин: «Ээсти раамат», 1983.
6. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. – Л.: Изд-во «Наука», 1975.
7. Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1.) М., 2003.
8. Российское законодательство X-XX веков. Т. I. – М., 1984.
9. Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. Т. 1-2. – СПб.: Евразия, 2009.

Мартынюк А.В.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В СЕРЕДИНЕ XV в.: ВЗГЛЯД ИЗ ВИЗАНТИИ

Нам уже приходилось писать о значении сообщения византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила для изучения генезиса названия «Белая Русь» [3, с. 13–14, 306]. В своем описании Восточной Европы он говорит о «Белой Сарматии» (в которой находится город Новгород) и о «Черной Сарматии» (к ней относятся Москва, Киев, Тверь). Очевидно, что перед нами один из этапов генезиса цветовых обозначений разных регионов Руси, еще не привязанный к территории современной Беларуси. Важно отметить, что по прямому свидетельству Халкокондила «сарматы» (жители Руси) *сами используют* обозначение «Белая Сарматия» и «Черная Сарматия» для названия своих земель. Очевидна некоторая условность сведений Халкокондила (вряд ли в Москве или Киеве именовали свою землю именно *Сарматией*, а не Русью), но они являются важным свидетельством того, что цветовые обозначения имели хождение среди собственно восточнославянского населения.